

ИНТЕГРАТИВНЫЕ И СЕТЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫХОД ИЛИ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ?

Землянинова Е. А.

Любой тип правопонимания, претендующий на полноту и истинность своих положений, должен соответствовать природе исследуемого объекта. Иными словами, он призван определять качественную специфику права как явления социальной действительности, формы его бытия и диалектику их превращения в едином процессе правового регулирования. В рамках интегративного подхода к пониманию права предпринимаются попытки целостно и непротиворечиво описать его как связь многообразных правовых феноменов посредством объединения теоретических достижений различных типов правопонимания. Интегративное направление в юридической науке представлено множеством концепций, нередко содержательно противоречащих друг другу. Их условно можно разделить на подходы, определяющие сущность права через неизменные фундаментальные ценности и принципы, которые оно выражает, и те, которые выявляют специфику данного нормативного регулятора без опоры на такие принципы.

К числу наиболее известных интегративных теорий первого рода можно отнести либертарную концепцию В.С. Нерсесянца, описывающую право как нормативное единство социальной справедливости, формального равенства и свободы [6, с. 70 – 71]. Содержательно более удачным представляется суждение белорусского исследователя С.Г. Дробязко, в котором продемонстрирована генетическая связь нормативно-позитивного, властно-политического и аксиологического аспектов права и его социальной миссии. В его концепции право представлено как «верховенствующий, общесоциальный, интегративный, охраняемый государством регулятор, выражающий политическую общесоциальную справедливость в системе принципов и формально определённых норм, точно определяющих круг субъектов права и правовых отношений, их юридические права, обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса» [2, с. 53]. Причём политическая общесоциальная справедливость представляет собой достигнутый баланс интересов всех социальных групп, личности и общества, который закреплён в системе охраняемых государством норм [2, с. 46]. Особо следует отметить точку зрения российского правоведа М.Ю. Осипова. Данный автор убеждён в невозможности единого понимания права, что следует из «искусственности» этого феномена как продукта человеческого сознания. Вместе с тем он упоминает «родовые» характеристики права (регулятивное предназначение, нормативный характер, информационную онтологическую природу) и его «сущностные атрибуты». К последним отнесены: регулирование повторяющихся волевых отношений на основе правовых принципов (социальной справедливости, формального равенства, свободы, единства и дифференциации правового регулирования); опора на принудительную силу государства; выражение правовой информации в официальных источниках; отсутствие конфликта с природой вещей [7, с. 11 – 12].

Концепция реалистического позитивизма, несмотря на её интегративное содержание (объединяются позитивистский и социологический типы правопонимания), отрицает существование фундаментальных, исторически неизменных правовых ценностей. В противном случае, по мнению Р.А. Ромашова, право «автоматически теряет актуальность и социальную значимость, приобретая характер «абсолютного идеала», и «говорить о регулятивно-охранительной функции права в конкретных исторических условиях, переживаемых конкретным социумом, попросту не имеет смысла» [10, с. 9]. В рамках названного подхода право рассматривается в качестве регулятивно-охранительной системы норм, которым присущи два основных признака – общезначимость и результативность [10, с. 12]. Под «общезначимостью» понимается официальное провозглашение юридических норм и признание их обязательности адресатами законодательных новелл, а «результативность» подразумевает достижение целей правового воздействия [10, с. 13].

Очевидно, что при подобном «инструментальном» прочтении вообще невозможно судить о характере провозглашаемых норм, так как исследователем полностью игнорируется вопрос о критериях различения права и закона, а следовательно, такая концепция правопонимания методологически не решает никаких принципиально новых задач по сравнению с привычной теорией юридического позитивизма. Автор феноменолого-коммуникативной концепции права, А.В. Поляков, констатирует его многоединство и называет право «психосоциокультурной коммуникативной системой» [8, с. 175, 253]. «Эйдос» права образует связь прав и обязанностей, а юридическая норма понимается как результат коммуникации, так как становится правовой, если она непосредственно, практически определяет социальное взаимодействие [8, с. 265, 275]. Поляков А.В. также утверждает, что «право не может быть отождествлено с некой «априорной» справедливостью, поскольку такой справедливости просто не существует из-за невозможности соотнести правовую систему с какими-либо заранее определёнными «фундаментальными ценностями и принципами» [9, с. 11]. Отметим, что формулирование определения права в контексте такого его понимания не представляется возможным по причине недостаточности таких признаков, как «связь прав и обязанностей» и «востребованность» нормы социальной практикой в качестве надёжного критерия их правовой природы.

Резюмируя изложенные подходы к пониманию права, следует признать методологический потенциал тех интегративных концепций, которые решают исследовательские задачи на основе познания фундаментальных свойств, выражающих сущность права. При отсутствии таких неизменных свойств оно вообще не могло бы стать объектом научного исследования, поскольку утратило бы свою качественную определённость и способность к дифференциации от иных явлений. Право, являясь результатом сознательной деятельности человека, не может быть «искусственным», так как оно объективно по своему происхождению, принципам и содержанию, выражает закономерности бытия природы, человека, общества. В противном случае, право противоречило бы существующей «природе вещей» и не могло бы быть верховенствующим, интегративным регу-

лятором социальных отношений. Вместе с тем интегративные теории нередко критикуются за чрезвычайную абстрактность их положений, неспособность объяснить, как рождается конкретное правовое решение в ситуации «здесь и сейчас» в условиях быстро меняющейся социальной реальности.

Так называемые «сетевые» концепции права претендуют быть ответом на вызовы времени и по своему содержанию являются идейными продолжениями теории аутопойезиса Н. Лумана и теории сетевого общества М. Кастельса. Стронник подобного типа правопонимания, немецкий исследователь К.-Х. Ладёр, определяет правовую реальность как совокупность сетевых связей между субъектами права, которые конституируют самовоспроизводящийся общественный порядок. «Сеть» представляет собой открытую и неограниченную структуру, расширяющуюся посредством коммуникации и информации [3, с. 67]. По мнению Ладёра, в ситуации отсутствия идеального наблюдателя, не вовлечённого в практику социальной жизни и правовых отношений, субстанциальный принцип справедливости не может быть абстрактно сформулирован, а высокая скорость социальных процессов влечёт спонтанную эволюцию права [4, с. 16 – 34].

Такой подход, подобно теориям правового реализма Д. Фрэнка и К. Ллевеллина, фактически отрицает нормативность права в качестве образца социального поведения, сводя его к конкретному ситуативному юридическому решению. Подобное отрицание правовой нормативности делает невозможным любое научное описание процедуры принятия правовых решений.

Также требует обсуждения и позиция российского правоведа Л.В. Голоскокова, который предлагает информационно «модернизировать» сущность правового регулятора поведения посредством:

- 1) глубокой интеграции информационных компьютерных технологий и права;
 - 2) автоматизации анализа правовых норм и правотворчества;
 - 3) автоматизации правореализационных процессов;
 - 4) комплексной автоматизации и визуализации правотворческих и правореализационных процессов;
 - 5) правового регулирования в режиме реального времени;
 - 6) перехода от использования в правоотношениях бумажных технологий к электронным – сетевому дистанционному взаимодействию субъектов права;
 - 7) моделирования и экспериментирования на объективной реальности;
 - 8) развития процессуального права путём создания юридико-технологических механизмов, обеспечивающих автоматизацию процессуальных норм и процедур, которые должны быть во всех возможных случаях основаны не на бумажных, а на электронных технологиях и изначально ориентированы на сетевое, дистанционное и максимально автоматизированное взаимодействие субъектов права [1, с. 10 – 11].
- Вместе с тем Л.В. Голоскоков тактично обходит молчанием вопрос о том, что же обеспечит правовое содержание создаваемых юридических норм и процесса их реализации.

Без разрешения этой проблемы предельной важности понимание права релятивизируется, не имеет строгого научного содержания. Кроме того, сущность

права не может быть модернизирована в силу своей объективности, а отрицание его субстанциональной основы в виде основополагающих принципов, определяющих содержание права, влечёт принципиальную невозможность определения правового характера любой социальной коммуникации.

Превращение любого теоретического подхода в «зрелую» предметную теорию предполагает одновременно:

1) содержательную достоверность знаний, которая проявляется в их соответствии предыдущему опыту;

2) их логическую непротиворечивость как формальный критерий истинности;

3) последующую эмпирическую апробацию знаний, которая проявляется в способности теории:

а) к объяснению явлений и процессов определённой предметной области;

б) построению реализующихся прогнозов относительно их развития;

в) выработке рекомендаций по осуществлению практической деятельности в предметной области [5, с. 49].

С учетом изложенных требований следует констатировать, что методологический синтез в юриспруденции так и не состоялся, а проблема поиска некоего надсистемного принципа, который бы позволил непротиворечиво выразить диалектику объективного и субъективного в праве, по-прежнему остаётся актуальной. Вместе с тем можно утверждать, что пристальное внимание к интегративным категориям «правовых потребностей», «правовых интересов», «правовых ценностей» и, в конечном счёте, «правовой идентичности» как понятиям, соединяющим мир социальных субъектов с объективными закономерностями общественного бытия, еще продолжительное время будет определять облик современной юриспруденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голоскоков, Л.В. Модернизация российского права: теоретико-информационный аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид наук: 12.00.01 / Л.В. Голоскоков; Кубанск. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2006. – 45 с.
2. Дробязко, С.Г. Общая теория права: учеб. пособие для вузов / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – 5-е изд. – Минск: Амалфея, 2011. – 500 с.
3. Култыгин, В.П. Категория модерна и идея развития в новейших социальных теориях / В.П. Култыгин // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III, Вып. 2(8). – С. 52 – 69.
4. Ладёр, К.-Х. Теория аутопойезиса как подход, позволяющий лучше понять право постмодерна (от иерархии норм к гетерархии изменяющихся паттернов правовых интеротношений) / К.-Х. Ладёр // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 13 – 42.
5. Масленников, Е.В. Метод интеграции концепций экспертов в социологическом исследовании. (Выявление, оценка и обобщение эмпирического знания): спецкурс / Е.В. Масленников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 87 с.

6. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учеб. для юрид. вузов и факультетов / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2001. – 552 с.
7. Осипов, М.Ю. Некоторые методологические аспекты исследования правовых процессов / М.Ю. Осипов // Современное право. – 2010. – С. 9 – 12.
8. Поляков, А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций / А.В. Поляков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 845 с.
9. Поляков, А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация / А.В. Поляков // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 7 – 12.
10. Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания / Р.А. Ромашов // Концепции современного правопонимания: материалы «круглого стола», Санкт-Петербург, 21 дек. 2004 г.; С.-Петербург. гос. ун-т, С.-Петербург. ун-т МВД России; под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб., 2005. – С. 8 – 22.

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ПРАВОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Иванова Т. В.¹

В настоящее время наблюдается тенденция сближения правовых семей и обмена опытом, правовыми институтами, формами права. В семье общего права все большее признание получают правовые акты парламента – статутное право. В романо-германской же правовой семье судебный прецедент и судебная практика становятся если не формами, то источниками права [1, с. 24 – 25].

Судебная практика замещает в рамках белорусской правовой системы судебный прецедент и выступает источником норм права, правовых идей, которые могут содействовать созданию норм права субъектами правотворчества.

Судебная практика – это показатель деятельности судебных органов, который можно рассматривать в двух аспектах. В статическом аспекте судебная практика предстает как совокупность решений судов той или иной инстанции по той или иной категории дел. В динамическом аспекте – это сам процесс деятельности судебных органов по разрешению тех или иных категорий юридических дел [2].

Судебная практика, с нашей точки зрения, не является формой белорусского права. Чтобы именоваться формой права, в которой концентрируются судебные нормы, необходимо содержать в себе общеобязательные нормы права и представлять собой конкретный судебный правовой акт. Судебная практика такими признаками не обладает. Для обозначения формы судебного права приме-

¹Автор выражает благодарность сотрудникам Верховного Суда Республики Беларусь, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь за предоставленную информацию по теме исследования.